

ПРОВЕРКА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРОЧНОСТЬ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СФЕРА ТРУДА В ТЫЛУ БЕЛОГО И КРАСНОГО ЛАГЕРЕЙ

Статья посвящена анализу различных сторон социальной политики в тылу белого и красного лагерей в годы Гражданской войны. Отмечаются достоинства и недостатки современного периода изучения истории России 1918–1920 гг. Опыт социальной политики в годы Гражданской войны интересен тем, что позволяет в целом разобраться в механизмах трансформации социальной политики государства в условиях социально-политической катастрофы. Сделан вывод о том, что самое прогрессивное социальное законодательство может быть оторвано от реальной практики. Выявлена эффективность социальной политики в Уральском регионе.

Ключевые слова: социальная политика, Советская республика, рабочие, промышленность, белые правительства, Урал.

В первые десятилетия XXI в. общепринятым в исторической науке стало рассмотрение проблем материально-бытовой стороны жизни населения в рамках социальной истории. Характерен и отход от политизации оценок, мелкотемья, появление работ, обобщающих целый пласт предшествующих исследований.

Монография А. А. Ильюхова «Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны» [см.: Ильюхов, 2007] в определенной степени подводит итог изучению проблем политики Советского государства в социальной сфере. Без преувеличения можно сказать, что выход этой монографии стал крупнейшим событием за последние два десятилетия в процессе исследований социальной политики Советского государства в годы Гражданской войны. Вместе с тем она отражает как достоинства, так и недостатки современного периода изучения истории России XX в.

Собственно говоря, трудности возникают уже с выбором объекта исследования: если в названии монографии объектом исследования названы «городские жители», то главной задачей во введении объявляется

изучение материального положения населения России; при этом в самой монографии преобладающая часть источников несет информацию о положении промышленных рабочих. Значимость рабочей истории никогда не вызывала сомнений, однако заголовок монографии предполагал компаративные выводы во всех разделах монографии, а не только в отдельных сюжетах.

В более поздней монографии (2010) А. А. Илюхов обратил внимание на то, что продолжением прежней, дооктябрьской (весны-лета 1917 г.) практики социальной политики в сфере труда стало заключение коллективных договоров на промышленных предприятиях, вызвавшее появление первых тарифных сеток [Илюхов, 2010, с. 17]. Этот период продлился до весны 1918 г., однако начало Гражданской войны привело к «выхолащиванию коллективных договоров» [Там же, с. 18–19] вследствие коренной перемены соотношения источников существования в жизни работников промышленности. Собственно говоря, это был частный случай превращения социальных гарантий в виртуальные.

Выход в свет монографии В. М. Рынкова, посвященной проблемам социальной политики белых правительств [см.: Рынков], представляется примечательным событием в современной научной литературе. Опыт социальной политики белых правительств интересен тем, что позволяет в целом разобраться в механизмах трансформации социальной политики государства под влиянием социально-политической катастрофы. Употребив для характеристики происходящих процессов слово «катастрофа», В. М. Рынков далее использует и принципиально иное выражение – «кризис» – термин, как представляется, более точно корреспондируемый как с происходящим в России в годы Гражданской войны, так и с содержанием монографии. Так целью государственного регулирования в периоды кризиса, по точному замечанию автора, должно стать не только достижение экономического эффекта, но и предотвращение распада общества, его морального разложения [см.: Там же, с. 5, 9].

Вместе с тем в научной литературе отсутствует сравнительный анализ эффективности социальной политики Советского государства и белых правительств. Без проведения такого анализа причины победы одной из сторон в Гражданской войне представляются неполными.

Характерной чертой социальной политики Советской республики с первых месяцев ее существования стал разрыв между расходами на содержание рабочих и экономической эффективностью предприятий. Так, например, за январь-август 1918 г. предприятия Урала получили более 526 млн руб. субсидий, в то время как непосредственно на нужды производства было переведено 234 млн руб., остальные, без малого 300 млн

руб., составили непроизводительные, зачастую бесконтрольные траты на содержание Советов, рабочих комитетов, профсоюзов. Типичными были действия профсоюзов, принимавших решения о существенном повышении заработной платы, не считаясь с экономической целесообразностью. [см.: Дмитриев, 1999, с. 135].

Подобная ситуация, в принципе неприемлемая для противников большевиков, была вполне нормальной для советских лидеров. Курс на сознательную девальвацию денег – «пережитка капиталистической системы» – неминуемо катастрофический для мирного времени, в условиях войны позволял какое-то время подменять экономическую политику чрезвычайными мерами, дополненными тотальной пропагандой о «диктатуре пролетариата».

Однако не следует преуменьшать как пропагандистское, так и потенциальное значение документов, повышавших значение социального статуса рабочих. Были образованы органы защиты и регулирования труда (Народный комиссариат труда и его местные подразделения); комиссия при СНК по снабжению рабочих; обеспечены минимальное социальное страхование и оплачиваемые отпуска, включая отпуска по рождению ребенка [см.: Ильюхов, 2002, с. 557]. Без сомнения, все эти меры в годы войны носили во многом декларативный характер, но помимо психологического воздействия на пролетарские слои они позволяли адресовать немногие материальные ресурсы на обеспечение (в ряде случаев – выживание) промышленных рабочих.

Анализ соотношения источников существования позволяет более полно раскрыть структуру доходов рабочих Советской России. Сокращение реальной стоимости денежной части заработной платы промышленных рабочих за 1917–1921 гг. было столь масштабным (денежная часть заработной платы рабочего России составила в 1918 г. 20 %, в 1919 – 5,9 %, в 1920 – 2,1 % и в 1921 г. – 4,1 % от уровня 1913 г.) [см.: Ильюхов, 2007, с. 72], что советские органы могли, в принципе, поставить себе в заслугу тот факт, что при сокращении за период с 1 ноября 1917 г. по 1 июля 1921 г. реальной ценности денежной массы в 66 раз, реальная стоимость заработной платы уменьшилась «только» в три раза [см.: Там же, с. 75, 88].

Однако разрушение рынка товаров и продуктов обернулось тем, что на свою зарплату в 1920 г. на рынке рабочий мог приобрести всего 1/10 часть пищевого рациона. В такой обстановке натурализация заработной платы действительно оказывалась единственным спасением для горожан, достигнув своего предела в 1920 г., когда натуральные выдачи составили 93 % от стоимости заработной платы [см.: Там же, с. 71, 111].

При этом степень удовлетворения потребностей рабочих продовольственными и промышленными товарами была низкой и, сделав главную

ставку на внедрение карточной системы, советские органы вынуждены были официально разрешить (на определенные сроки) самообеспечение жителям городов. Статистические обследования, осуществленные в годы Гражданской войны, рисуют картину социальной деградации городских жителей в условиях голодной жизни. Даже в Петрограде в мае 1918 г. при биологической норме в 3000 калорий средний паек в 1940–2100 калорий получали 2/3 рабочих. Достаточный для нормального питания паек в 3600 калорий получал всего 1 % рабочих. Проведенное осенью 1918 г. (т. е. после сбора нового урожая) бюджетное обследование питания населения (в основном рабочих) в 40 городах России установило практически ту же картину – в среднем паек рабочего не превышал 2680 калорий, или составлял 74 % от нормы [см.: Там же, с. 39, 44, 90].

В такой ситуации одним из основных источников пропитания рабочих становилось хищение имущества с предприятий и нелегальное изготовление предметов потребления в рабочее время. Так, в 1918 г. доходы от хищений, изготовления зажигалок и т. п. составляли 15 % заработка, в 1919 г. – 20 %, в 1920 г. – 19 %. Воровство из уголовного преступления стало превращаться в средство поддержания жизни. В целом «левые» доходы, т. е. доходы, получаемые на заводе неофициально, достигали до половины потребления рабочих в годы Гражданской войны [см.: Ильюхов, 2010, с. 30]. При всей условности приведенного выше подсчета, нельзя не обратить внимание на небывалый (для индустриального общества) уровень криминального обеспечения «самого передового класса».

Стабильность и долговременность такого вида заработка позволяют сделать вывод, во-первых, о готовности власти де-факто смириться с таким масштабным явлением; во-вторых, о формировании двойственности мироощущения рабочих, с первых месяцев «пролетарской власти» сталкивающихся с безбрежной пропастью между высокими пропагандистскими лозунгами и бытом, наполненным нищетой и ежедневным обхождением законов.

Статистика тех лет дает картину рациона рабочих. В среднем за год – с июля 1918 г. по июль 1919 г. – жители городов советской России получили по карточкам лишь 37,7 % потребности хлеба, 2/3 потребляемой массы хлеба за 1919–1920 гг. в города привезли мешочки [см.: Ильюхов, 2002, с. 559].

Приведенный показатель указывает не только на то, что в определенной степени рабочие занимались самоснабжением, и не только на утопичность запрета розничной торговли, товаро-денежных отношений в целом. Вынужденно ограниченный характер заградительных мер на пути мешочничества проявляет еще одну сторону социальной политики РСФСР в годы Гражданской войны: ее готовность к сохранению неправых (с точки зрения марксизма) отношений.

В этой связи в условиях голода, фактически девальвирующего все виды социального обеспечения, кроме питания, пайковое снабжение в годы Гражданской войны было превращено в одно из основных (но не основополагающее, позволяющее целиком судить о реальной жизни рабочих) направлений социальной политики. Уже само введение классового принципа формирования пайков (незначительное, но имеющее значение превышение пайка рабочего над остальными пайками жителей тыла) [см.: Ильяхов, 2007, с. 97] ставило рабочих промышленности в привелигированное положение. Поскольку многие социальные гарантии, вошедшие со временем в Кодекс законов о труде РСФСР (декабрь 1918 г.), не выполнялись в годы Гражданской войны, органы власти, снимая с себя ответственность, вину за такую ситуацию возлагали на противников Советского государства. Главные же усилия социальной политики были сконцентрированы на проблеме минимального обеспечения рабочих довольствием.

Профессиональный срез пайковой системы недвусмысленно говорил о приоритете рабочих, занятых тяжелым физическим трудом либо трудившихся на вредных для здоровья производствах. Очевиден и отраслевой, точнее подотраслевой, аспект проблемы: предпочтение гарантированного снабжения пайками отдавалось предприятиям, производящим военную продукцию [см.: Там же, с. 98]. Равенство пайков рабочих однородных предприятий сводило на нет отличия в оплате труда в зависимости от квалификации и качества работы.

Как видно, власть фактически стремилась найти социальную опору среди малоквалифицированных рабочих, продолжив контакт с теми социальными слоями, которые оказали поддержку большевикам в период Октябрьской революции и вошли в Советы всех уровней [см.: Постников, Фельдман, 2011, с. 134–151]. В свою очередь, широкое присутствие среди леворадикалов рабочих-пролетариев позволяло советским органам активно включать (и по мере ограниченных возможностей выполнять) запросы и требования рабочих в сфере трудовых отношений, под видом непосредственной власти «диктатуры пролетариата».

Если в этом случае можно говорить о доминировании идеологического фактора и корневом родстве двух социальных массивов – леворадикалов и пролетарской части рабочего класса, то поддержка коллективов оборонных предприятий носила чисто прагматический характер. Так с первых лет существования Советского государства в социальную политику были заложены идеологическая и прагматическая составляющие.

Судя по Уралу, пайковое снабжение рабочих в Советской республике в 1919–1920 гг. эволюционировало в сторону медленного, но, тем не

менее, очевидного увеличения удельного веса потребляемого рабочими по карточкам продовольствия. Так, по данным ЦСУ РСФСР, если в декабре 1919 г. рабочие Урала 44,8 % потребляемого продовольствия получили по карточкам, а остальная часть продуктов приобреталась на рынке по коммерческим ценам, то в мае 1920 г. на карточки пришлось уже 63,3 % [см.: Тр. ЦСУ, с. 24, 32–33]. Для подобного (не столь значительного, но, тем не менее, позитивного в условиях нищеты и разрухи) сдвига потребовались чрезвычайные меры: рассмотрение вопроса о снабжении уральских рабочих на заседании Совета труда и обороны в январе 1920 г.; введение заградительных отрядов, блокирующих вывоз продуктов с территории Урала; использование железнодорожного транспорта Красной армии [см.: Шиловцев, 2004, с. 24–26].

Важным событием процесса закрепления на производстве рабочих кадров уральской промышленности стало расширение массива работников «бронированных предприятий» (получавших усиленный паек) со 120 тыс. в декабре 1919 г. до 172 тыс. в декабре 1920 г. [см.: Там же, с. 32].

В реальности это означало бронирование большинства работников не только оборонных, но и вообще работавших предприятий крупной промышленности. В связи со стремлением рабочих и служащих хуже снабжаемых предприятий перебраться на предприятия более обеспеченные, контингент снабжавшихся бронированным пайком увеличивался, и вероятность получения его в соответствии с нормой уменьшалась.

Тем не менее, если во второй половине 1919 г. рабочие получали 20–80 % хлеба, положенного по карточкам, то в 1920 г. – уже 85–100 %. Не забывая о цене такого «достижения», обеспеченного беспощадными продразверстками, террором и репрессиями за любое неповиновение, за подобным увеличением просматривается вектор продовольственной политики: любым способом обеспечить коллективы оборонных предприятий хлебом. Обеспечение другими продуктами (крупой, мясом, сахаром) носило эпизодический характер. Скудость продовольственного пайка (несмотря на все очевидные меры по его увеличению) была столь очевидна, что по своей калорийности позволяла выполнять только легкую работу.

Позитивную роль сыграло и введение натурального премирования. Усиленный добавочный паек натурой в порядке премий сверх установленной оплаты труда получали прежде всего рабочие образцовых и ударных предприятий. Максимальная величина месячных премий была невелика и достигала 9 фунтов муки, 7,5 фунтов крупы, 7,5 фунтов мяса или рыбы, 1,8 фунта чая, 2 г сахарина, 1 фунта соли (в общей сложности не более 45 фунтов). Однако с учетом однообразия и преимущественно растительного характера потребляемой рабочими пищи (например, в Екатеринбурге в декабре

1919 г. из 3 фунтов ежедневно потребляемой рабочими пищи 3/4 приходилось на картофель и хлеб) [см.: Годовой отчет..., 2004, с. 32–33, 82–83], премиальный фонд способствовал закреплению рабочих на предприятиях.

Часть продовольствия рабочие дополнительно получали через открытую на предприятиях широкую сеть столовых. В практику Гражданской войны вошло прикрепление рабочих Урала к заводским столовым, обеспечивающим их горячим питанием. Общественное питание, выступая в качестве одной из составляющих частей системы распределения, сыграло положительную роль в смягчении продовольственного кризиса – коммунальными столовыми пользовалась примерно 1/6 часть городского населения, а в Екатеринбургской губернии 92 заводские и городские столовые ежедневно обслуживали 55 150 человек [см.: Шиловцев, 2004, с. 29], т. е. ими была охвачена большая часть рабочих промышленных предприятий. Несмотря на низкое качество и малую питательную ценность обедов, общественное питание позволило несколько увеличить калорийность пищи рабочих. Небольшие продовольственные пайки (состоявшие в основном из муки) получали члены семей рабочих и семьи красноармейцев, находившихся на фронте. Так, в Уфимской губернии пайки получали 61 499 семей, или 72 % от всех нуждающихся. Близкой к этому была картина и в Пермской губернии [см.: Шиловцев, 1994, с. 14].

При скудости поступающего из централизованных фондов продовольствия (в 1920 г. фактическое наполнение продовольственных карточек рабочих Урала не превышало 10 % по мясу и сахару; было нулевым по крупам) [см.: Шиловцев, 2004, с. 33], в лучшем положении оказывались рабочие – владельцы земельных участков и домашнего скота [см.: Фельдман, 2006]. Личное хозяйство играло большую роль в жизни российских рабочих в годы Гражданской войны. Произошла аграризация рабочего класса. Если в 1916 г. на Урале из всех хозяйств горнозаводского населения 55 % не имели посевов, то в 1920 их не было только у 27 % хозяйств. В целом рабочие Урала от своего личного хозяйства получали 30–50 % потребляемых продуктов [см.: Материалы..., 1928, с. 136]. Аграризация была следствием не только военной разрухи, но и попытки спастись от небывалого в России голода.

Снабжение обувью и одеждой так же, как и продовольствием, производилось органами Советской власти по классовому принципу, по весьма скромным нормам. При этом значительную часть выданных рабочим в этот период предметов первой необходимости составляла производственная одежда. Практиковались и выдачи рабочим предметов обычной одежды, зачастую из фондов конфискации в квартирах имущих [см.: Шиловцев, 1994, с. 15].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Готовность органов Советской власти к широкомасштабному произвольному печатанию денежных средств, фактическое непротивление хищению имущества с предприятий и нелегальному изготовлению предметов потребления в рабочее время, ограниченность мер по борьбе с мешочничеством, широкомасштабная экспроприация жилья и предметов обычной одежды свидетельствовали о криминальной составляющей советской социальной жизни, зеркально отражающей неправомерный характер всей государственной политики Советского государства, но в то же время позволяющей индивидуумам искать различные пути выживания, весьма далекие от «социалистического идеала». Беспринципность социальной политики вытекала из принципа удержания власти любой ценой.

Введение карточной системы распределения продовольственных и промышленных товаров выступало определенной минимизированной формой социальной защиты для узкого слоя граждан – промышленных рабочих. Власть, готовая к максимально возможной степени эксплуатации рабочего социума, – внешний парадокс истории – до определенной поры была заинтересована и в максимально возможной степени поддержки социального слоя, «обожествленного» Марксом.

Чем же отличалась социальная политика в сфере труда в Советской республике от аналогичной политики белого лагеря?

Главный недостаток рабочей политики белых правительств, по мнению В. М. Рынкova, состоял в том, что она была направлена на решение проблем второго плана, в то время как первоочередные потребности, связанные со своевременной оплатой труда и снабжением рабочих, никак не регулировались государством [см.: Рынков, с. 98, 112].

Социальная политика правительств «демократической контрреволюции», при всем довольно широком диапазоне их политического спектра [см.: Никонова, с. 147–149], формировалась представителями социалистов (прежде всего меньшевиками), которые возглавляли министерства и ведомства, занимавшиеся рабочим вопросом. В силу этого при определенных партийных и политических различиях трех правительств «демократической контрреволюции» – Комуча, Временного Сибирского, Уральского Временного областного – лакмусовой бумажкой, позволяющей выделить такую «особость», являлась позиция правительства по проблемам частной собственности и взаимоотношений между трудом и капиталом, предусматривавшая сохранение государственного регулирования в экономике и сфере труда.

Общим стало и стремление сохранить и усовершенствовать пакет социальных законов, принятых Временным правительством. Так, соглас-

но циркуляру главного управления труда Временного областного правительства Урала с сентября 1918 г. и до издания новых законов учреждения по охране труда должны были руководствоваться указаниями и распоряжениями Временного правительства в вопросах о рабочих комитетах, об ограничении работы женщин и подростков, а также в случаях применения к рабочим штрафов или других взысканий [см.: Там же, с. 154, 155]. За недолгий период правительств «демократической контрреволюции» им удалось разработать и утвердить примерно одинаковый пакет законов и законопроектов об охране труда: о 8-часовом рабочем дне, найме и увольнении рабочих, страховании на случай болезни и производственной травмы, примирительных камерах и биржах труда и др. Часть законодательных актов была взята за основу при подготовке постановлений колчаковского правительства и вступила в силу уже в период военной диктатуры.

О. Ю. Никонова, проанализировав соответствующие документы всех трех правительств «демократической контрреволюции», отметила близкое сходство программ в сфере труда. Это объяснялось не только общей исторической основой законов о труде – социальным законодательством Временного правительства, влиянием Временного Сибирского правительства на Уральское областное правительство, но и стремлением сохранить влияние в рабочей среде. Близким было и содержание экономической политики: возможность денационализации определялась рядом условий: безубыточностью предприятий, способностью избежать сокращения производства, обязательностью госконтроля.

Сделав обоснованное заключение о *продуктивности* законодательной политики в сфере труда правительств «демократической контрреволюции», О. Ю. Никонова внезапно пришла к выводу о том, что «социально-экономическая платформа “демократической контрреволюции” отражала настроения мелкобуржуазных социальных слоев населения в городе и в деревне». Непредвзятый взгляд на содержание законов о труде, утвержденных правительствами «демократической контрреволюции», позволяет сделать заключение: *сами по себе* принятые документы отвечали запросам рабочих. Собственно говоря, это признает и О. Ю. Никонова, отметившая, что пакет социальных законов (Комуча) не имел аналогов в мировой капиталистической практике по широте охваченных аспектов социальной политики.

В чем же заключалось противоречие между «продуктивностью законодательной политики в сфере труда» и зафиксированной тем же автором «неустойчивостью и эклектичностью» рабочей политики правительств «демократической контрреволюции», обернувшейся незначительной поддержкой антибольшевистской власти со стороны рабочих?

При реализации принятых документов правительствам «демократической контрреволюции», а с конца ноября 1918 г. – и Колчака приходилось учитывать позицию предпринимательских слоев. С учетом того, что съезд предпринимателей – владельцев торговых и промышленных предприятий Урала и Сибири (июль 1918 г.) и Уральский торгово-промышленный съезд (октябрь 1918 г.) высказались против использования социальной практики Временного правительства [см.: Таняев, с. 20, 43–44], создавался глубокий зазор между содержанием законов «на бумаге» и их осуществлением в реальной жизни.

Знаменательно, что уже в июле 1918 г. в резолюции по организации общегосударственной власти съезд предпринимателей – владельцев торговых и промышленных предприятий Урала и Сибири – решительно выступил за «твердый государственный порядок» и управление в форме *диктатуры* [Там же, с. 20].

Такое расхождение законодательных правительственных актов и позиции буржуазии создавало дополнительное напряжение в сфере трудовых отношений. Поскольку позиция предпринимателей воплощалась в практические действия вполне определенной направленности как до колчаковского переворота, так и в период правления Колчака [см.: Иоффе, с. 188, 193], подобные шаги усиливали нестабильность антибольшевистской власти, обуславливая скоротечность существования не только правительств «демократической контрреволюции», но и Белого движения на Востоке страны в целом.

Знаменательно, что осенью 1919 г. министр труда колчаковского правительства Л. И. Шумиловский в докладной записке премьеру правительства признал «полный крах рабочей политики», а существование своего министерства в госаппарате сравнил с положением «инородного тела» [см.: Там же, с. 194].

Даже с учетом эмоционального влияния тяжелых поражений армии Колчака на Восточном фронте на автора докладной записки, приведенный документ свидетельствует: самое прогрессивное социальное законодательство может мало что значить в реальной жизни.

Курс военной диктатуры Колчака в области промышленного производства и сферы труда формировался правительством в условиях ожесточенной дискуссии двух групп буржуазии, где одна продолжала защищать идею государственного регулирования, а другая настаивала на принципах свободного рынка. По мнению О. Ю. Никоновой, несмотря на то, что победа осталась за «рыночниками», денационализацию промышленности так и не удалось провести в полном объеме [см.: Никонова, с. 95]. Приведенный выше материал позволяет скорректировать

такой вывод применительно к сфере труда: если в сфере законодательной политики белых правительств налицо было торжество государственного регулирования, то в реальности социальную практику в рабочей среде определяли действия «рыночников» – предпринимателей, игнорировавших законы о труде.

Гражданская война наложила свою специфику на указанное противоречие. Сколь ни значимым был переход значительной части рабочих на территории, контролируемой белыми, на сдельную оплату труда (в Уральском регионе – с осени 1918 г.), действие механизмов индексации заработной платы, восстановление института больничных касс, другие меры социальной политики, позволившие отдельным группам рабочих, «несмотря на тяжелейшие условия жизни, оставаться твердой опорой режиму» [Рынков, с. 164–173]. В условиях войны это были действительно «проблемы второго плана». Поскольку инфляция «пожирала» ставки социальных трансфертов намного быстрее, чем они индексировались, на первый план выходила система натурального снабжения работников по найму.

Как видно, вектор *законотворческих действий* белых правительств в сфере труда и вектор *экономической политики*, ядром которого выступают отношения собственности, оказались *разнонаправленными*. В этом заключалась важная причина неэффективности усилий Белого движения по налаживанию сотрудничества с рабочим социумом.

Указав на стремление белого правительства Северной области «по справедливости решать рабочий вопрос», на то, что в первые недели существования Северной области взаимоотношения рабочих и белого правительства складывались благоприятно [см.: Новикова, с. 157, 264], Л. Г. Новикова обоснованно отмечает: «буква договоров разбилась об экономическую реальность», поскольку, испытывая постоянные финансовые трудности, казна (правительство Северной области) уже осенью 1918 г. стала задерживать выплату зарплат; задержки составляли месяц и даже более; 8-часовой рабочий день не соблюдался. На предприятиях вводили сверхурочные работы, а в 1919 г. отменили гарантированные трудовым законодательством отпуска. В ответ на рабочие протесты белые власти в качестве наказания ввели трехмесячный арест или предание военно-полевому суду.

В целом можно отметить, что оценка социальной политики в сфере труда в белом лагере в последние два десятилетия стала более взвешенной. Тезис об однозначном ухудшении положения рабочих, доминировавший в советской историографии, сменился на признание демократичности содержания рассматриваемых правовых документов. Однако, как было показано выше, это не противоречит верному утверждению

В. Д. Камынина: «современные историки весьма негативно оценивают реальные достижения социальной политики и правительств “демократической контрреволюции”, и диктатуры Колчака» [Камынин, с. 8].

Там, где лидеры белого лагеря (особенно правительства «демократической контрреволюции») делали ставку на соблюдение законодательства о труде и на повышение денежной части оплаты труда, на биржи труда, основная функция которых сводилась к учету непрерывно возраставшего числа безработных и содействию в найме рабочей силы [см.: Иоффе, с. 190], советские структуры власти на основе невиданной в истории первых десятилетий XX в. конфискаций занимались централизованным распределением продовольствия и производственной одежды.

Именно недопонимание белыми значения натурального снабжения «отдельных групп рабочих и служащих» в условиях дефицитной экономики привело к тому, что продовольственное обеспечение занятых на предприятиях не считалось первостепенной задачей. Результатом такой политики стала поддержка большинством рабочих той власти, которая смогла решить указанную проблему, не считаясь с социальной ценой и чудовищными «издержками».

В документах Белого движения зафиксирована и негативная реакция рабочих Урала и Сибири (поверивших за время пребывания у власти большевиков, что только рабочие есть основа жизни и им одним должна принадлежать власть) на идею (даже нереализованную) денационализации промышленных предприятий [см.: Никонова, с.155]. Как видим, реформистские сдвиги в трудовом законодательстве в годы войны ценятся и принимаются населением только в тесной связи с величиной продовольственного пайка.

Важной частью социальной политики стали мероприятия власти в жилищной сфере. Действительно, советские органы сразу после Октябрьской революции пытались улучшить жилищные условия пролетарского населения. Главная задача, стоявшая перед исследователями, заключалась в выяснении того, насколько масштабным был слой рабочих, получивших дополнительную жилую площадь?

По нашим подсчетам, сделанным на основе статистики Ю. И. Кирьянова, в собственных домах проживали по меньшей мере 30% рабочих промышленности России, учтенных переписью 1918 г. [см.: Постников, Фельдман, 2009, с. 121]. В реальности этот показатель был большим: к августу 1918 г. из городов и рабочих поселков в сельскую местность ушла значительная часть рабочих промышленности. Так, по данным переписи 1918 г., к владельцам собственных домов были отнесены 39,5% рабочих Вятской губернии, единственной из уральских губерний, попавшей в разработку. Однако

данные переписи 1926 г. показали: 59 % всех горнозаводских и фабрично-заводских рабочих Урала проживали в собственных домах [см.: Всесоюзная перепись..., с. 324–325]. На другом полюсе находились Петроград и Москва, где в своих домах проживали, соответственно, 1,7 и 0,7 % рабочих. Более того, в отличие от рабочих остальных районов страны, столичные пролетарии в своей массе (89,5 % питерцев и 51,5 % москвичей) вынуждены были оплачивать проживание [см.: Кирьянов, с. 230–232].

Мероприятия Советской власти в жилищной сфере, подобно политике в сфере заработной платы, имели ту же социальную сфокусированность на обширных маргинальных и наиболее обездоленных группах рабочих. Спецификой стало переселение рабочих в квартиры, прежде всего в столицах и крупных городах. Заметим, что подселение рабочих в «буржуйские» квартиры носило в регионах локальный характер прежде всего в силу незначительности непролетарских слоев в рабочих центрах. В подтверждение этого тезиса приведем результаты уплотнения жилья в Воронеже: за 1918–1919 гг. средняя кубатура жилых помещений рабочих выросла с 14,76 до 15,12 м³ [см.: Введенский, 1932, с. 12].

Близкими к ним были и весьма небольшие показатели уплотнения жилья в Перми [см.: Постников, Фельдман, 2009, с. 126]. Поскольку достижения в этой области были весьма скромными, возникает вопрос об эффективности жилищной политики на принципах уравниательства в целом. Кроме того, муниципализация городских строений коснулась только городов и городских поселений, имевших более 10 тыс. жителей.

Уплотнение жилья в уральских городах и поселках первых послереволюционных лет – явление, прямо скажем, малоизученное – стало еще одной формой политизации рабочего быта. Та небольшая часть рабочих провинции, которая оказалась в непривычной роли «уплотнителей», была вынуждена принимать аргументацию и логику большевистских пропагандистских клише.

Иными были результаты жилищного уплотнения в столицах, где часть рабочих, остававшаяся в городах в годы Гражданской войны и проявившая лояльность к власти, смогла улучшить условия своего проживания. О масштабе переселения рабочих в Петрограде можно судить по таким, к сожалению, неполным данным: с ноября 1918 г. по сентябрь 1919 г. в благоустроенные квартиры были переселены 30 тыс. рабочих. Данные по Москве более систематизированы: после переселения 20 тыс. рабочих в 1918 г. в благоустроенные дома (и выселения с указанной жилплощади 3197 человек из семей, отнесенных к буржуазии) процесс уплотнения продолжался. К концу 1921 г. 94 тыс. московских рабочих и членов их семей смогли улучшить свои жилищные условия, 2/3 из них заселили 471

дом-коммуна, возникший в реквизированных бывших особняках [см.: Кузнецова, с. 143–147]. В Екатеринбурге за 1920 г. жилищные условия улучшили 420 семей рабочих. В большинстве случаев речь шла о вселении семьи рабочего в часть комнаты; реже – в комнату.

Таким образом, жилищное уплотнение в годы Гражданской войны привело к весьма незначительному улучшению условий проживания сравнительно небольшой группы пролетариев (даже в столицах менее 10 % промышленных рабочих). Но значение такого явления усиливалось не только тем, что в благоустроенные квартиры въехали рабочие, оказавшие активную поддержку новой власти, но и жители столиц, традиционно игравшие особую роль в истории России. Жилищная политика осознанно использовалась советской властью как мощное и эффективное средство управления людьми, в частности, как средство дисциплинарного воздействия на «нетрудящихся» и «плохо трудящихся» [см.: Меерович]. Сам факт вселения рабочих в комнаты и углы «буржуйских» квартир широко использовался пропагандистской машиной, порождая надежды и иллюзии рабочих на быстрое решение жилищного вопроса.

Сочетание карточной системы и бронированного целевого продовольственного снабжения с жилищным уплотнением, отступление от наиболее одиозных и непопулярных социальных декретов позволили властным структурам Советской республики привлечь на свою сторону неимущие слои рабочего класса. В условиях острой нехватки продовольствия и промышленных товаров, дефицита рабочих мест основная масса кадровых рабочих – владельцев своего жилья и земельных участков – была вынуждена приступить к работе на заводах, шахтах и рудниках.

В свою очередь принятие Кодекса законов о труде, создание органов защиты и регулирования труда (НКТ и его местных подразделений) наряду с переходом некоторой части рабочих в советские и партийные органы создавали иллюзию (широко поддерживаемую пропагандой) о наступлении эры «рабочего государства».

В XX в. даже в раннеиндустриальном обществе победу одерживала та власть, которая могла привлечь на свою сторону основную массу рабочих промышленности. Долговечность правления такой власти во многом определяла способность вывести социальную политику на уровень, конкурентоспособный с другими странами.

Современное исследование государственного регулирования в социальной сфере предполагает, что результаты социальной политики государства должны оцениваться по степени предотвращения распада общества, его морального разложения, по степени сохранения культуры общества и

отдельного человека. В этом случае современные подходы диктуют либо обращение к индексу человеческого развития как интегральному индикатору социального развития, либо использование методики социокультурного подхода.

В любом случае обращение к указанной теме требует не только упоминания о потерях и утратах, а куда более сложного ответа: что же осталось после потрясений Гражданской войны от личности городского жителя, личности рабочего? Макростатистика в данном случае выступает только началом подобных исследований, давая дорогу изучению сохранения культурных, религиозных, бытовых традиций, роли личного хозяйства, выполнению семейных и общественных функций и обязанностей. Однако такое исследование еще впереди.

Собственно говоря, приведенный в статье материал подводит к весьма определенному выводу: побеждает не только социальная политика, отвечающая современным правовым понятиям и нормам. Возможна и победа демагогической социальной политики, беспринципно спекулирующей на надеждах и ожиданиях социальных низов. Но речь идет только о временной, тактической победе.

Введенский А. С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. М. : Л., 1932.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 54.

Годовой отчет Промышленного бюро Президиума ВСНХ на Урале за 1920 г. Екатеринбург, 1921.

Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку: поиск путей развития // Урал в событиях 1917–1921: актуальные проблемы изучения : сб. науч. тр. Челябинск, 1999.

Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975.

Ильхов А. А. Трудовые отношения в Гражданскую войну: доктрины и реальность // Гражданская война в России. События, мнения, оценки : памяти Юрия Ивановича Кораблева / ред. Н. А. Ивницкий. М., 2002.

Ильхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007.

Ильхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

Камынин В. Д. Альтернативы гражданской войны в отечественной историографии // Урал в событиях 1917–1921: актуальные проблемы изучения : сб. науч. тр. Челябинск, 1999.

Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979.

Кузнецова Т. В. К вопросу о путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1963. № 5.

Материалы по сельскохозяйственной статистике труда // Тр. Урал. обл. бюро статистики. Свердловск, 1928. Т. 4. (Сер. 3).

Меерович М. Г. Наказание жильем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008.

Никонова О. Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры (июнь–ноябрь 1918 года) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках : сб. науч. тр. Челябинск, 1997.

Новикова Л. Г. «Провинциальная контрреволюция». Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России 1900–1940. М., 2009.

Постников С. П., Фельдман М. А. Власть и рабочие Урала в 1917 г. Екатеринбург, 2011.

Рышков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.

Таняев А. П. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск, 1930.

Тр. ЦСУ. М., 1921. Т. 8, вып. 1.

Фельдман М. А. К вопросу о землепользовании рабочих Урала в первые десятилетия XX в. // Вопросы истории Урала : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. № 19.

Шиловцев А. В. Из истории продовольственной политики на Урале в годы Гражданской войны (июль 1919–1920 г.) // Проблемы экономической истории Урала : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004.

Шиловцев А. В. Социальная политика советской власти на Урале в годы Гражданской войны (июль 1919–1920 г.). Екатеринбург, 1994.